

в масонских ложах в Париже и провинциях между всеми видными деятелями того времени, способствовало этому единству действия. Известно, в самом деле, через Луи Блана, Анри Мартена и из прекрасной монографии профессора Эрнеста Ниса¹, что почти все выдающиеся революционеры принадлежали к франк-масонству. Мирабо, Байи, Дантон, Робеспьер, Марат, Кондорсе, Бриссо, Лаланд и т. д. и т. п. - все принадлежали к этому братству, а герцог Орлеанский (назвавший себя во время революции «Филипп Равенство») оставался великим национальным мастером масонского братства вплоть до 13 мая 1793 г. Кроме того, известно также, что Робеспьер, Мирабо, химик Лавуазье и, вероятно, многие другие принадлежали к ложам иллюминатов, основанным Вейсгауптом, цель которых была «освободить народы от тирании князей и духовенства и, как немедленный прогресс, освободить крестьян и рабочих от крепостного состояния, от барщины и от ремесленных гильдий».

Нет никакого сомнения, как это говорит Э. Нис, что «своими человеческими стремлениями, своим непоколебимым чувством достоинства человека и своими принципами свободы, равенства и братства» масонство сильно содействовало подготовке общественного мнения к новым идеям; и это - тем более, что «повсеместно, на всей территории страны, масоны держали собрания, в которых излагались и восторженно принимались прогрессивные идеи и где - факт гораздо более важный, чем это думают, - готовились люди, умевшие обсуждать сообща дела и голосовать». «Соединение трех сословий в июне 1789 г. и ночь 4 августа были, по всей вероятности, подготовлены в масонских ложах»².

Эта предварительная работа, несомненно, установила также между людьми действия известные личные отношения и *привычки взаимного уважения* помимо отношений, всегда слишком узких в партиях, и интересов узкопартийных. Вот что позволило, мы думаем, революционерам очень разнообразных партий действовать в продолжение четырех лет с некоторым единством против королевского деспотизма. Позже это единство подверглось слишком суровым испытаниям и, конечно, не удержалось, тем более что сами масоны разделились по вопросу о королевской власти, о казни короля и еще более по отношению к коммунистическим учениям до того, когда масонские ложи были закрыты в начале 1793 г. Отношения, установившиеся между масонами до революции и в начале ее, не сохранились, таким образом, до конца революционного периода; и тогда борьба партий разразилась с отчаянным ожесточением.

LXV ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИСТОВ. КАЗНЬ ДАНТОНА

Зима проходила таким образом в глухой борьбе между революционерами и контрреволюционерами, причем последние с каждым днем все больше поднимали голову.

В начале февраля Робеспьер сделался выразителем недовольства против некоторых комиссаров Конвента, действовавших, как Каррье в Вандее, в Нанте или Фуше в Лионе, с отчаянной яростью против восставшего населения, причем они не делали даже различия между теми, кто подготовлял восстания и поддерживал их, и людьми из народа, вовлеченными в бунты³. Он требовал, чтобы эти комиссары были немедленно отозваны, и грозил им судебным преследованием. Но из этой агитации ничего не вышло, 5 вантоза (23 февраля) Конвент амнистировал Каррье, из чего следовало заключить, что вины других комиссаров прощаются, каковы бы они ни были. Эбертисты торжествовали. Робеспьер и Кутон, оба больные, не показывались.

В это же самое время Сен-Жюст, вернувшись из действующей армии, произнес 8 вантоза (26 февраля) длинную, обработанную речь, которая произвела большое впечатление и вместе с тем перемешала все карты. Сен-Жюст не только не говорил о смягчении преследований - он целиком принимал террористическую программу эбертистов. Он тоже грозил, еще сильнее их. Он обещал взяться за партию «отживших людей», указывая как на ближайших жертв гильотины на дантонистов - эту «политическую секту», которая «идет медленными шагами», «обманывает все партии» и подготовляет возврат реакции; она говорит о милосердии, «потому что эти господа не чувствуют себя достаточно добродетельными».

¹ Nys E. Idées modernes: Droit International et Franc-Maçonnerie Bruxelles, 1908 (имеется русский перевод).

² Ibid., p. 82, 83.

³ Молодой Жюльен, между прочим, откровенно написал Робеспьеру о безобразиях некоторых комиссаров, особенно Каррье. См. Une mission en Vendée. Под этим заглавием E. Lockroy издал книгу, содержащую письма Жюльена.